

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ОБРАЗОВАНИИ

УДК 2:316

Бенин Владислав Львович

кандидат философских наук, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социально-экономических дисциплин Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, лауреат премии Уральского отделения РАО, Уфа (РФ).

E-mail: benin@lenta.ru

Уразметов Тимур Закирович

кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социально-экономических дисциплин Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, Уфа (РФ).

E-mail: tykytak@yandex.ru

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТА-РЕЛИГИОВЕДА

Аннотация. Цель публикации – рассмотреть теоретические и практические проблемы экспертиз текстов экстремистской направленности и определить недостатки профессиональной подготовки экспертов-религиоведов.

Методы, использованные в работе, – анализ существующих точек зрения по поводу понятийного аппарата указанных экспертиз; рефлексия эмпирического опыта экспертного участия на следствии и в суде.

Результаты. Доказана научная несостоятельность широко распространенных понятий «секта», «тоталитарная секта», «деструктивный культ». Авторы считают, что термин «секта» следует использовать как религиоведческое понятие исключительно в сфере изучения истории христианства. Обоснована необходимость коррекции нормативной базы, на основе которой решаются многие процессуальные и содержательные вопросы судебной религиоведческой экспертизы.

Научная новизна. Показана специфика религиоведческой экспертизы как вида научного исследования; выявлены факторы, негативно влияющие на ее результаты; констатируется, что правовое положение и статус негосударственного независимого эксперта-религиоведа фактически не определены, следовательно, никак не защищены.

Практическая значимость. Использование результатов изложенного исследования позволяет активизировать теоретическую составляющую обра-

звательной деятельности по программам подготовки религиоведческих кадров как в системе высшего профессионального образования, так и при самообразовании, способствует разработке инструментария эмпирических изысканий в области религиоведческой экспертизы и повышению качества экспертных заключений.

Ключевые слова: религия, экстремизм, секта, религиоведческая экспертиза, профессиональная подготовка экспертов.

DOI:10.17853/1994-5639-2015-6-101-115

Benin Vladislav L.

Candidate of Philosophical Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Cultural and Socio-Economic Disciplines, M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University; prize winner of the Ural Branch of the RAO, Ufa (RF).

E-mail: benin@lenta.ru

Urazmetov Timur Z.

Candidate of Culturology, Associate Professor, Department of Cultural and Socio-Economic Disciplines, M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa (RF).

E-mail: tykytak@yandex.ru

RELIGIOUS SCHOLARS: THEORY AND PRACTICE ACTIVITIES

Abstract. The aim of the study is to consider the theoretical and practical problems of texts analysis of an extremist orientation; to define lacks of vocational training of religious scholars.

Methods. The methods involve analysis of existing points of view on the issue; analysis of the conceptual apparatus; reflection of empirical experience of the expert participation in law enforcement investigation and at court. The present investigation is carried out based on the authors' experience of expert activity.

Results. The scientific inconsistency of widespread concepts "sect", «totalitarian sect», and «a destructive cult» is proved. Authors note that the term "sect" is necessary to use as religious concept exclusively in the sphere of studying of Christianity history. The necessity of correction of normative base is proved upon which many procedural and substantial questions of judicial religious examinations are solved.

Scientific novelty. Specificity of religious expertise as a form of scientific research is presented; factors that negatively affect its results are identified; it is justified that the legal position and status of non-state independent religious experts actually are not determined, therefore, not protected.

Practical significance. The use of theoretical research results allows activating theoretical component of educational activity on training personnel for Religious as in the system of higher education, and in self-education; it contributes to the development of tools of empirical research in the field of religious expertise and improves the quality of expert opinions.

Keywords: religion, extremism, sect, religious expertise, professional training of experts.

DOI:10.17853/1994-5639-2015-6-101-115

Богатый кровавыми конфликтами рубеж второго и третьего тысячелетий от рождения Христова окончательно развенчал надежду на смягчение нравов как в межличностном общении, так и в решении межгосударственных проблем. Более того, яркой характеристикой современности стали проявления экстремизма. И не только «где-то там далеко», в действиях боевиков ИГИЛ или расстреле журналистов «Шарли Эбдо», но и в России. По данным социологических исследований¹, наиболее значимым полем экстремизма в отечестве являются межэтнические (до 40%), политические (12%) и религиозные (4–5%) отношения, а их основными участниками – молодежь (по данным МВД, до 80% членов группировок экстремистской направленности составляют люди в возрасте до 30 лет) [5, с. 5]. Поэтому не удивительна активизация исследований по данной проблематике².

Но у противодействия экстремизму есть и еще один аспект, явно обделенный вниманием. Это религиоведческая экспертиза и проблемы, с которыми сталкиваются эксперты в теории и практике своей деятельности. Внимание к данному виду экспертизы продиктовано двумя причинами. Во-первых, понятийный аппарат в сфере межконфессиональных отношений более сложен и менее однозначен, чем понятийный аппарат

¹ Следует отметить, что социологические исследования не дают полной и объективной картины всей пестроты экстремистских проявлений. Часто политическая, межэтническая и религиозная стороны вопроса тесно переплетены и не могут рассматриваться отдельно. Так, «инглинги» (группа славянских неоязычников, созданная А. Хиневичем в г. Омск) критикуют православие и «переосмысливают» сталинизм и фашизм, возвеличивая белую расу, арийцев, славян. Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами критикуют мусульман, христиан и иудаистов, выступают против евреев, отвергают демократию, социализм и Западный мир. Кроме того, по нашему мнению, социологические исследования далеки от реальной статистики распределения уголовных дел, связанных с экстремизмом по политическим, межнациональным и религиозным мотивам. Достоверная же статистика для открытого исследования недоступна.

² См.: Аминов Д. И., Оганян Р. Э. Молодежный экстремизм. Москва: Триада ЛТД, 2005; Бессчетнова О. В. Превенция экстремизма в молодежной среде // Феномен экстремизма и ксенофобии в современной России: факторы генезиса, пути и способы противодействия. Краснодар: КУ МВД России, 2012; Гутман М. Ю. О некоторых вопросах методики формирования у обучаемых иммунитета к экстремизму и ксенофобии // Социально-правовая и политическая природа экстремизма и терроризма: проблемы интерпретации и противодействия. С.-Петербург: СПбГУ, 2010; Зеленюк Ю. Н. Педагогическая профилактика экстремистских проявлений в молодежной среде в системе непрерывного профессионального образования. Москва: ВНИИ МВД России, 2014; Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5; Никифоров Л. Молодежный экстремизм. Томск: ФИМИС-3, 2012; Селиванова О. А. Основные направления профилактики интолерантности и экстремизма в среде современного регионального вуза // Образование и наука. 2012. № 3 и др.

политического и национального экстремизма. Во-вторых, введение предмета «Основы религиозных культур и светской этики» и развертывание на базе светских образовательных учреждений воскресных религиозных школ потенциально опасно возникновением непростых межконфессиональных отношений, особенно когда религиозоведческая грамотность основной массы педагогов оставляет желать лучшего.

С начала 90-х гг. XX в. в России складываются новые условия деятельности религиозных и псевдорелигиозных направлений и групп. В это время активизировались политически ориентированные организации, в деятельности которых религиозный маркер является определяющим. Такие организации противопоставляют себя как единоверцам, «неправильно» понимающим доктрину («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» – «Партия исламского освобождения»), так и вообще другим религиям («Аум Синрикэ»). Тогда же появляются организации, которые, на первый взгляд, имеют чисто коммерческий характер, однако при внимательном рассмотрении в их деятельности прослеживаются компоненты, характерные для вероучения и религиозной иерархии. Первыми из них в нашу страну проникли компании «Гербалайф» и «Цептер». За ними последовала череда организаций, деятельность которых основывалась на принципах сетевого маркетинга и чаще всего была связана с продажей биодобавок. Атрибутами офисов подобных организаций выступают списки «заповедей» и этические кодексы. Тренинги и конференции в них нацелены на формирование корпоративного духа, подразделяющего людей на «своих» и «чужих», что характерно для интегрирующе/дизинтегрирующей функции любой религии. Трудно однозначно определить, является ли деятельность подобной организации религиозной. При этом формальный ответ (да или нет) явно недостаточен и требует глубокого анализа организационных основ и форм деятельности.

Таким образом, уже в начале 1990-х гг. в России возникла реальная потребность в квалифицированной независимой религиозоведческой экспертизе. Сегодня, четверть века спустя, эта потребность не стала меньше. Она определяется тем, что деятельность групп и организаций неоднозначной социальной направленности, либо напрямую связанная с нарушением уголовного законодательства, либо вызывающая серьезные опасения на этот счет, разворачивается не только в горячих точках России, но и в ее, казалось бы, традиционно спокойных регионах. Так, на территории Республики Башкортостан регулярные конференции и им подобные мероприятия, в основном посвященные теме Халифата, проводит партия «Хизб-ут Тахрир аль Ислами». Поскольку в Российской Федерации данная организация признана террористической, эти мероприятия носят нелегальный характер. Кроме того, в республике проявляют себя салафиты¹, самые известные представители которых – «Имарат Кавказ» и «Орга-

¹ Салафиты – направление в исламе, выступающее с призывами ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины.

низация освобождения Восточного Туркестана», также признанные экстремистскими. Из числа мусульманских организаций достойна пристального внимания «Орда» (Ата Жолы или Ак Жол) – суфийская организация¹, которая, придя в Россию из Казахстана, развернула активную деятельность на Урале и в Поволжье.

Кроме мусульманских групп, на территории Башкортостана есть также язычники – «инглинги». Можно привести обширный перечень в той или иной степени криминальных религиозных организаций и групп, которые за последние двадцать пять лет возникали и исчезали на территории Башкирии. За период 2004–2014 гг. к суду по делам, связанным с нарушением религиозных прав и свобод, в республике было привлечено несколько сотен человек.

Широко представлены в Башкортостане и религиозные объединения, вызывающие опасение сограждан в силу неоднозначности их идеологии и деятельности, такие, как «Миссия Церкви Саентологии», «Международное общество Сознания Кришны», «Церковь Свидетелей Иеговы», «Амате Сириус», «Звенящие кедры», «Дорога предков» и проч. И хотя обвинительных приговоров в отношении этих организаций не выносилось, их духовные практики и догматические установки, мягко говоря, сомнительны в части допустимости нарушения прав детей в области образования, негативного отношения к государству и к исполнению гражданских обязанностей, пропаганды специфических взглядов на семейные и гендерные отношения, психотехник, основанных на небезопасных методиках и т. п.

Квалифицированно подтвердить или опровергнуть общественные опасения по поводу правомерности существования перечисленных практик призван институт религиоведческой экспертизы. Она проводится как в государственной, так и в негосударственной форме. Государственная религиоведческая экспертиза определена законодательно [2] и нацелена:

- на определение религиозного характера организации;
- проверку и оценку достоверности сведений, содержащихся в предоставленных религиозной организацией документах относительно основ ее вероучения;
- проверку соответствия заявленных при государственной регистрации форм и методов деятельности ее фактическим деяниям.

На основании религиоведческой экспертизы – одного из важнейших правовых документов – могут быть урегулированы многие спорные вопросы религиозной жизни российского общества.

Иное дело – негосударственная независимая религиоведческая экспертиза, к проведению которой, как правило, привлекаются вузовские

¹ Суфизм – направление ислама, возникшее в VIII в., проповедующее бедность, аскетизм, мистическое постижение Бога, строгое следование за учителем и поклонение святым местам. Некоторые суфийские религиозные организации признаны экстремистскими на территории РФ.

преподаватели и научные работники. В отличие от государственной правовой она значительно менее формализована и в ней доминирует научно-исследовательская составляющая, центральным элементом которой выступает понятийный аппарат. Остановимся на нем подробнее.

В обыденном сознании и средствах массовой информации в контексте религиозного экстремизма чаще всего упоминается деятельность так называемых нетрадиционных религиозных организаций¹ и групп². Но при этом ни в законодательстве, ни в научной литературе нет не только единого взгляда на соотношение «традиционности/нетрадиционности» в конфессиональном плане, но и каких-либо четких критериев такого разделения. Известно, что все религии возникали не на пустом месте. Даже самые древние из них унаследовали компоненты, ранее существовавшие либо у соседей, либо в более ранних культах. Таким образом, у любой религии можно найти предшественников. Для иудаизма – это шумерские и древнеегипетские верования, для христианства – иудаизм, для ислама – также иудаизм вкупе с христианством и зороастризмом.

Традиция предполагает длительное присутствие неких артефактов в конкретной культуре. В таком случае одним из признаков традиционных религий будут «религиозные комплексы, сохранившиеся на протяжении длительного времени и передающиеся последующим поколениям на определенной территории, среди определенного этноса и общности людей. Они возрождаются и развиваются в рамках соответствующих этнических или государственных границ» [8, с. 228]. Сторонники указанного подхода к традиционным религиям относят те, что существовали на какой-либо ограниченной территории в качестве составляющей духовной культуры этноса или нации в течение многих поколений. Но уже в Киевской Руси, где бок о бок проживали славянские, балтийские, финно-угорские и тюркские племена, речь о таком образом понимаемой традиционной религии идти не может. Нельзя утверждать, что признаком традиционности является одна территория, ибо в обозначенный период в одних границах сосуществовали тенгрианство³, поклонение Сварогу⁴ и духам

¹ Трактовка федерального закона: «добровольное объединение граждан РФ, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории РФ, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и в установленном законом порядке зарегистрированное в качестве юридического лица» [4, ст. 8].

² Трактовка федерального закона: «добровольное объединение граждан, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющее деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица» [4, ст. 7].

³ Тенгрианство – комплекс религиозных воззрений древних народов, проживавших на пространстве Великой Степи (от Венгрии до Монголии). Тенгри – обо-жественное небо. Культ Тенгри господствовал на указанных территориях до принятия народами буддизма, ислама и христианства.

⁴ Сварог – один из верховных богов, почитаемых славянами, бог-кузнец, небесный огонь.

природы. При этом этническая обособленность славян, финно-угров, тюрков и балтов была весьма абстрактна и на деле практически никогда не существовала, ее рисовали (и при этом с большим трудом) только «на бумаге».

Если обратиться к передаче религиозных комплексов «от поколения к поколению», то и здесь не все однозначно. Спросите выходящего из культового здания православного или мусульманского обывателя, как ориентированы апсида или михраб, что означают заповеди блаженств или пять столпов ислама. Как показывает наш опыт, далеко не каждый сможет ответить на эти вопросы, а ведь это догматическая и культовая основа религий. Передается, в лучшем случае, наименование, символика (нательный крест или обрезание) и адрес культового сооружения. Собственно знания о религиозном учении остаются минимальными у многих верующих людей. Носителями этих знаний выступают представители духовенства. Они читают в храмах молитвы на церковно-славянском или арабском языке (которые понятны лишь малой части прихожан) и совершают обряды, сакральный смысл которых многим верующим неизвестен. Очевидно, говорить о том, что большинство из них выступает в качестве осознанных носителей религиозных комплексов, не приходится.

В особом контексте рассматриваемая проблема звучит применительно к носителям атеистического и близких к нему агностических форм мировоззрения. Они, как и верующие, полноправные граждане страны, и применение к ним деления по принципу «традиционности / нетрадиционности» мировоззрения не только не конституционно, но и противоречит принципам толерантности и политкорректности, к которым наше общество стремится.

Наиболее общее понимание нетрадиционных религий сводится к следующему: «общее и во многом условное обозначение религиозных новообразований, которые противопоставляют себя официальным и господствующим религиям» [7, с. 625]. Но и с ними не все просто. Поскольку страны, имеющие теократическое устройство (Ватикан, Иран), сегодня составляют исключение в мировой системе светского государственного устройства, говорить об официальных религиях не приходится. Иное дело господствующие религии. Но даже если господство рассматривать как численное преобладание, то ясности не прибавляется. В Иране, например, преобладают мусульмане-шииты¹, но было бы странно называть суннизм² и суфизм нетрадиционными для иранцев религиями. Не случайно шиит-

¹ Шиизм – направление ислама, начавшее свое формирование после окончания эпохи «четырех праведных халифов» в конце VII в. Шииты считают, что мусульмане должны подчиняться потомкам халифа Али, который почитается как единственный праведный халиф. Основой догматики являются пять столпов веры.

² Суннизм – наиболее многочисленное направление в исламе, возникшее во второй половине VII в. Основу вероучения, наряду с Кораном, образует Сунна.

ский имамат, фактически уже сорок лет управляющий Ираном, не пытается изменить в свою пользу сложившуюся ситуацию.

Что же до противопоставления одной религии другой, пусть и численно преобладающей, лишь небольшая группа новейших экуменических религий¹ – бахаизм² и мунизм³ – его не предполагают. Тексты Танаха⁴, или Ветхого Завета, пронизаны жестким и непримиримым противостоянием иудаизма всем остальным религиям. Новый Завет также содержит большое количество высказываний, возвышающих Слово Божие, данное Иисусом Христом, над остальными религиями. Коран аналогично противопоставляет мусульман кяфирам (гяурам)⁵ и людям писания⁶. Спросите любое духовное лицо, какая еще религия, кроме исповедуемой им, является истинной. Ответ будет однозначным: «Истинная религия – одна!» Таким образом, практически все религии антагонистичны друг другу.

Существует подход, трактующий нетрадиционные религии как «религиозные комплексы, которые исторически не унаследованы от прошедших эпох определенным этносом, не свойственны его религиозной духовности, не укоренились в быту, культуре, а получили распространение в результате миссионерской деятельности проповедников» [1, с. 328]. Однако, на наш взгляд, отсутствие унаследованности от предшествующих эпох еще не свидетельствует о нетрадиционности. Якутами, например, православное христианство принято не ранее XVIII в. и, следовательно, не относится к числу традиционных для данного этноса. Тем не менее, большинство якутов исповедуют указанную религию. На современном Западе очень велика и постоянно растет популярность индуистских культов, вызывая интерес и симпатию во всех слоях общества. Йоги из Нидерландов медитируют перед Белым Домом в Вашингтоне, ашрам⁷ Ошо (Раджниша)⁸ в г. Пуна (Индия) посещают почти исключительно представители европейских стран и США. Мировоззренческая новизна не затрудняет вос-

¹ Экуменизм – движение за всемирное христианское единение, в более узком и общепринятом значении – движение за лучшее взаимопонимание и сотрудничество христианских конфессий.

² Бахаизм – религиозное движение, проповедующее единство Бога, единство религий и единство человечества.

³ Мунизм – сокращенное название религиозного учения созданного Мун Сон Меном (1920 – 2012) в 40–50-е гг. XX в. в Южной Корее и приобретшего известность по всему миру.

⁴ Танах – название иудаистского Священного писания, которое в христианстве практически полностью соответствует Ветхому Завету.

⁵ Кафиры (гяуры) – общее название всех немусульман.

⁶ Люди писания – традиционное мусульманское наименование христиан и иудаистов.

⁷ Ашрам – религиозная община в индуизме, куда человек приходит для медитации, молитвы, совершения ритуалов и духовного обновления.

⁸ Ошо (Раджниш) (1931–1990) – неоиндуистский гуру и мистик, основатель движения Раджниша, основатель системы ашрамов во многих странах. Его учение сегодня пользуется популярностью в странах Запада и в России.

приятие этих верований, не мешает возникновению расположения и не встречает сопротивления у больших масс людей. Укоренение в быту любого явления, будь то сотовый телефон или любовь к голливудскому кино, сегодня происходит практически мгновенно. Это относится и к религии.

Последний (и, на наш взгляд, самый слабый) тезис в пользу нетрадиционности верования – распространение в результате деятельности проповедников и миссионеров. Мы не можем назвать ни одной религии, которая пришла бы в культуру какого-либо народа иным путем.

Нередко с нетрадиционными религиями ассоциируются секты. Секта – это отделившаяся от конфессии группа верующих, имеющая собственные толкования отдельных догматов, обрядов и поучений, за что конфессия, как правило, обвиняет ее в ереси. Еще один распространенный критерий секты – небольшое количество членов (адептов). Но его абсолютизация приведет к тому, что надо будет считать сектами этнические культы, которые исповедуют небольшие по численности народы (от нескольких десятков до нескольких тысяч человек).

Чаще всего термин «секта» употребляется во внутриконфессиональных спорах. При этом «сектами» называются любые религиозные течения и направления в рамках всех конфессий. Но очевидных признаков, позволяющих понять, что есть «секта», а что – «церковь», нет.

Когда научное религиоведение не может предложить четкого решения, приходится обращаться к источнику однозначных ответов – юридической норме. Последняя утверждает, что «в законодательстве Российской Федерации не существует такого понятия как “секта”. В то же время данный термин в силу сложившихся в обществе представлений несет безусловно негативную смысловую нагрузку»¹. Поэтому юридическое регулирование позволяет отделить не «секты» от «церкви», а группы и организации, действующие на законных основаниях, от нарушающих закон о противодействии экстремистской деятельности.

Учитывая сложившиеся реалии, мы полагаем, что термин «секта» не следует употреблять ни в образовательной практике, ни в научной полемике по причине его оскорбительности и бессодержательности. Применение в теории и практике образовательно-воспитательного процесса понятий «секта», «тоталитарная секта», «деструктивный культ», «неокульт» и других близких понятий может привести к отступлению от объективности в силу неоднозначности и спорности данных терминов. Показательно, что в важнейших международно-правовых актах термин «секта» отсутствует.

Думается, что термин «секта» следует использовать как религиоведческое понятие исключительно в сфере истории христианства. Это связано с тем, что наиболее активно «сектоведение» разрабатывалась именно

¹ Решение Судебной палаты по информационным спорам при Президенте Российской Федерации № 4 (138) от 12 февраля 1998 г.

христианскими апологетами. Однако христоцентризм¹ в изучении даже очень близких к христианству религий (иудаизма и ислама), очевидно, приведет к искажению знаний и ложным выводам. Современный исследователь должен «признать невозможность... любой единой теории новых религиозных движений» [9, с. 204].

Отмеченные выше научно-терминологические проблемы не исчерпывают всей сложности независимой религиоведческой экспертизы. Ее важной практической составляющей выступает досудебная и судебная проверка соответствующих текстов на предмет наличия в них признаков экстремистской деятельности религиозного характера. К таковым признакам относятся:

- «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения» [3, ст. 1].

Обобщая вышесказанное, главными признаками религиозного экстремизма следует признать:

- деяния, направленные на возбуждение религиозной розни посредством пропаганды превосходства или неполноценности человека в зависимости от религиозной принадлежности;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека в зависимости от религиозной принадлежности;
- воспрепятствование законной деятельности религиозных объединений, соединенное с насилием или его угрозой;
- призывы к осуществлению указанных деяний, массовое распространение экстремистских материалов, их изготовление и хранение в целях распространения.

Все, что лежит вне указанных критериев, не может считаться антиобщественной и незаконной деятельностью.

¹ Христоцентризм – привнесенная христианством попытка изучения других религий через призму христианских категорий.

Под организованными формами незаконной религиозной деятельности также следует понимать лишь то, что определено законом, а именно: «Экстремистская организация – общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности» [3, ст. 1]. Информация о списке экстремистских организаций, как и о конкретных текстах, аудио- и видеоматериалах, содержащих информацию экстремистской направленности, размещена на сайте министерства юстиции РФ.

С учетом всего вышесказанного особую важность приобретает определение того, что является, а что не является законной (легальной) деятельностью в религиозной сфере. Это устанавливает религиозоведческая экспертиза. Но проблема в том, что определяющие признаки негосударственной независимой религиозоведческой экспертизы законодательно не установлены. Она не входит в традиционную классификацию видов и типологию экспертиз. Часто в литературе ее не рассматривают как самостоятельную, включая в перечень разновидностей культурологической экспертизы. Правовое положение и статус негосударственного независимого эксперта-религиоведа, по сути, не определены, следовательно, никак не защищаются.

В нашей практике мы сталкивались с угрозами в свой адрес в социальных сетях и во время судебных заседаний. Несмотря на особое положение эксперта в ходе следствия и суда, он вынужден защищать от посягательств свои права и свободы самостоятельно, традиционным для обычных граждан способом – через подачу заявления в следственные органы. Оперативные работники и следователи лишь после соответствующего письменного заявления могут предпринимать меры по обеспечению охраны эксперта. Его персональные данные оказываются доступными подсудимым (в экспертном заключении указывается место работы, стаж, образование и т. д.). Даже стоимость экспертизы становится известна, что приводит часто к обвинению в алчности, необъективности и заинтересованности эксперта в обвинительном или оправдательном приговоре. Кроме того, личная принадлежность к той или иной конфессии либо, наоборот, его атеистическая позиция не исключают возможность как субъективности экспертного заключения, так и обвинения эксперта в такой субъективности различными сторонами судебного разбирательства. Доказательство непричастности личных взглядов эксперта к его выводам ложится на него самого. Способом защиты в данном случае может выступать лишь отказ эксперта от указания на вероисповедание, что является правом любого гражданина РФ.

Сказанное подчеркивает необходимость коррекции нормативной базы, на основе которой решаются многие процессуальные и содержа-

тельные вопросы судебной религиоведческой экспертизы. Такая коррекция не только снимет ряд трудностей, связанных с судебным разбирательством, но и защитит самого эксперта-религиоведа, нередко сталкивающегося с посягательствами на его жизнь и здоровье, поскольку религиозный фанатизм и радикализм толкает членов некоторых религиозных организаций на преступления, направленные именно против экспертов.

Основная цель судебной религиоведческой экспертизы – выявление и доказательство таких характеристик доктрины и принципов деятельности религиозной организации, группы или религиозно мотивированного лица, которые позволят суду отличить их деятельность от любых других подобных организаций, групп и лиц, не ведущих противозаконную религиозную деятельность. Выбор оснований для поиска тех или иных религиозных составляющих в текстах, аудио- или видеоматериалах либо особенностях деятельности весьма сложен. В качестве ведущих в религиоведческой экспертизе приняты следующие критерии:

- культовая практика (жертвоприношения, незаконное применение психотропных и наркотических средств, ритуалы, связанные с истязанием);
- прозелитическая деятельность (насилованное обращение);
- хозяйственная деятельность (мошенничество);
- политическая деятельность (пропаганда войны и насильственных действий, создание вооруженных формирований) [6, с. 224].

Возможны и другие варианты, которые зависят от обстоятельств расследуемых преступлений, их характера и т. д. Это делает религиоведческую экспертизу крайне многослойной и многозначной и подчеркивает необходимость высоких требований к уровню специальных познаний и квалификации экспертов.

Отдельный комплекс проблем составляет методология религиоведческой экспертизы. Однозначных методов религиоведческого исследования, позволяющих отличать его от другого гуманитарного изыскания, не существует. При этом, если речь идет не о собственно научном исследовании, а именно о судебной экспертизе, специалист может столкнуться с требованием доказательства в суде того, что именно эти, а не иные методы позволили ему сделать объективное и научно обоснованное заключение.

Еще одной сложностью судебной религиоведческой экспертизы является очерчивание круга вопросов, на которые может или не может отвечать религиовед. Вместе с чисто религиозной стороной в материалах, предоставленных на экспертизу, может присутствовать и информация, которая, будучи тесно связанной с религиозной, тем не менее таковой не является, а выступает частью политологии, истории, лингвистики, психологии и т. д. В этом случае религиовед должен быть осторожен в отборе вопросов, которые перед ним могут или не могут быть поставлены какой-либо из сторон следствия или суда. К примеру, установление наличия / отсутствия методов воздействия ритуальной практики на поведение че-

ловека – задача психологической экспертизы. Вопросы о признаках вовлечения в деятельность организации или группы – сфера лингвистического заключения. Когда эксперт-религиовед сталкивается с подобными ситуациями, ему следует проводить исследование совместно со специалистами в других научных областях – экспертиза становится комплексной. В противном случае эксперт может быть обвинен в некомпетентности.

Примером вопросов, которые могут быть поставлены перед религиоведом, служит вопрос о прямых и косвенных признаках принадлежности исследуемых материалов к той или иной религиозной организации. Связь изъятых по тому или иному уголовному делу материалов с деятельностью организации может устанавливаться по следующим признакам:

- 1) авторской принадлежности изданий идеологам, основателям данной организации, их последователям и другим членам данной организации или по позитивным отзывам, цитатам и ссылкам на их работы;
- 2) принадлежности изданий организации, позитивной характеристике ее деятельности, подробному освещению различных аспектов ее истории и современной деятельности;
- 3) содержанию в текстах изданий основных положений идеологии организации и практических установок ее деятельности.

В самом упрощенном виде алгоритм процедуры проведения исследования может состоять в следующем:

- изучение представленных материалов;
- отбор высказываний, отвечающих параметрам, заданным в вопросах к эксперту;
- всесторонний анализ материала;
- выявление компонентов, характеризующихся сходным содержанием.

Мы рассмотрели лишь небольшую часть проблемного поля российской экспертно-религиоведческой деятельности на новейшем этапе развития страны. Судя по тому, что в обозримом будущем потребность в религиоведческой экспертизе сохранится (а возможно, даже будет возрастать), решение указанных проблем является насущной необходимостью, тем более что соответствующий социальный заказ очевиден. Это предполагает профессиональную подготовку не только традиционных религиоведов и теологов, но и специалистов в узкой области именно судебного религиоведения. Однако выпускников вузов, базирующихся на той или иной религиозной доктрине (например, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета или Российского исламского университета) в этом качестве, по понятным причинам, использовать нельзя. Специалисты-юристы также в данной сфере ограниченно годны, поскольку юридическая оценка дается после и на основе религиозной экспертизы, а не вместо нее. Следовательно, нужна программа культурологической либо исторической магистерской подготовки с соответствующими (в том

числе тренирующими психоустойчивость) компетенциями. Эта задача, на наш взгляд, под силу российской высшей школе.

*Статья рекомендована к публикации
д-ром культурологи проф. И. Я. Мурзиной*

Литература

1. Миронов А. В. Основы религиоведения. Москва: НОУ, 1998. 328 с.
2. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Российская газета. 2001. № 2718.
3. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. С изменениями и дополнениями от 27 июля 2006 г., 10 мая, 24 июля 2007 г., 29 апреля 2008 г., 25 декабря 2012 г., 2 июля 2013 г., 28 июня, 21 июля 2014 г. // Российская газета: интернет-портал [Электрон. ресурс]. режим доступа: <http://www.rg.ru/>.
4. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (26 сентября 1997 г.) в редакции от 22.10.2014 // Российская газета. 2014. № 6516.
5. Профилактика интолерантности и экстремизма в молодежной среде: коллективная монография / И. В. Бобров, Е. А. Доценко, О. А. Селиванова, В. Н. Фальков и др. Тюмень: ТюмГУ, 2014. 260 с.
6. Тихонравов Ю. В. Судебное религиоведение: фундаментальный курс. Москва: Бизнес-школа «Интел-синтез», 1998. 266 с.
7. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. Москва: Гардарики, 2004. 1072 с.
8. Яблоков И. Н. Религиоведение / И. Н. Яблоков. Москва: Гардарики, 2005. 317 с.
9. Wilson B. R. The Social Dimensions of Sectarianism: Sects and New Religious Movements in Contemporary Society. Oxford: Clarendon Press, 1990. 299 p.

References

1. Mironov A.V. Osnovy religiovedeniya. [Basics of Religious Studies]. Moscow: The National Open University, 1998. 328p. (In Russian)
2. O gosudarstvennoj sudebno-jekspertnoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 31 maja 2001 g. N 73-FZ (s izmenenijami i dopolnenijami). [On state forensic activities in the Russian Federation: The federal law, d.d. 31May, 2001 №73-FL (with changes and additions)]. *Rossijskaja gazeta. [The Russian Newspaper]*. № 2718. 2001. (In Russian)
3. O protivodejstvii jekstremistskoj dejatel'nosti: Federal'nyj zakon ot 25 ijulja 2002 g. № 114-FZ. S izmenenijami i dopolnenijami. [On Countering Extremist Activity: The federal law, d.d 25 July, 2002, № 114-FL (with changes and additions)]. *Rossijskaja gazeta. [The Russian Newspaper]*. 2002. Available at: <http://www.rg.ru/>. (In Russian)
4. O svobode sovesti i o religioznyh ob'edinenijah: Federal'nyj zakon ot 26.09.1997 № 125-FZ (26 sentjabrja 1997 g.) v redakcii ot 22.10.2014. [On Freedom of Conscience and Religious Associations: The federal law, d.d. 26 Septem-

ber, 1997, № 125-FL (as revised in 22.10.2014)]. *Rossijskaja gazeta. [The Russian Newspaper]*. № 6516. 2014. (In Russian)

5. Profilaktika intolerantnosti i jekstremizma v molodezhnoj srede. [Prevention of intolerance and extremism in the youth environment]. Ed by I. V. Bobrov, E. L. Dozenko, O. A. Selivanova, V. N. Falkov. Tyumen: Togliatti State University, 2014. 260 p. (In Russian)

6. Tihonravov U.V. Sudebnoe religiovedenie: fundamental'nyj kurs. [Religious court: Fundamental course]. Moscow: Publishing House Business School «Intel-sintez», 1998. 266 p. (In Russian)

7. Filosofija: jenciklopedicheskij slovar'. [Philosophy: Encyclopedic Dictionary]. Ed. by A. A. Ivin. Moscow: Publishing House Gardarici, 2004. 1072 p. (In Russian)

8. Yablocov I. N. Religiovedenie. [Religious Studies]. Moscow: Publishing House Gardarici, 2005. 317 p. (In Russian)

9. Bryan R. Wilson The Social Dimensions of Sectarianism: Sects and New Religious Movements in Contemporary Society. Oxford: Clarendon Press, 1990. 299 p. (Translated from English)